

ПОКА ОПУЩЕН З А Н А В Е С

НЕДАВНО областному художественному совету сдан новый спектакль музыкально-драматического театра: оперетта Жака Оффенбаха «Перикола». У меня этот спектакль вызвал радость и гордость за наш театр, за то, что его коллектив возглавляет талантливый и самобытный художник.

Невольно вспоминались работы предыдущего сезона. Каждый спектакль Гриншпуну удивляет своей ровнотой, метафоричностью режиссерского мышления. Они открывают такие стороны человеческих взаимоотношений, о которых в суете и сумятице дней и забот не думаешь, проходишь мимо, отмахиваясь. И в то же время каждая новая работа словно говорит сама за себя: «сделано Гриншпуну». Его спектакли удивительно дополняют друг друга, постепенно открывая нам, зрителям, эстетичную режиссуру.

Вот и «Перикола» — свежо, жестко и весело, здорово придумано и сделано.

Через несколько дней начнется сорок второй театральные сезоны. Но пока залавес ощущение, давайте взглянем за кулисы, посмотрим на наш театр глазами не зрителя, а свидетеля и очевидца «как делается театр». А точнее — все ли делается для того, чтобы в городе, области был замечательный театр, не похожий на другие коллективы страны, такой, каким он может быть?

Современная жизнь предоставляет театральному искусству богатейший и сложный материал, и наш театр стремится быть на уровне требований времени, активно осваивая современную тему.

Для начала обратимся к цифрам. С января по июль творческий коллектив подготовил семь новых спектаклей. Это «Патетическая соната» Миколы Кузича. «Чинизано» Людмилы Петрушевской. «Я всегда улыбаюсь» Якова Сегиля. «Клюк» Владимира Левашова. «Вечер в долине» «Пенелопы» Дмитрия Журбина. спектакль для детей «Три поросенка».

Затем двухмесячные гастроли обеих трупп по Колыме и Чукотке. Накануне января театр побывал в самых отдаленных поселках в чукотских селах. За это время обслужено свыше 28 тысяч человек.

Возвратившись с гастролей, после непродолжительного отдыха коллектив приступил к работе над репертуаром нового сезона. Выпущено еще два спектакля — «Перикола», «Господин Цунтцда и его слуга Матти» Бертольда Брехта. Идет работа над детским, внеплановым «Три Иваны».

Десять месяцев — девять спектаклей. Как видим, жизнь наполнена до предела.

Следствие такого азарта и творческого вдохновения можно выразить не только в экономических показателях. Хотя это и немаловажно. Театр полностью выполнил план по новым постановкам, увеличился наполняемость и посещаемость зала, в общем плане расходов снижена себестоимость «театральной» продукции, сокращены внеплановые расходы.

Но главное из всего этого, конечно, — возросший артефактный интерес к жизни театра.

Интерес был подчас противоречив. С чем-то мы не соглашались, что-то не принимали, но одно было безусловным — творческий коллектив жил трудно и напряженно.

К сожалению, это «трудно» все чаще становилось единствен-

но возможной формой существования. Многие проблемы возникли не в прошлом и даже не в позапрошлом сезоне, гораздо раньше. Их многолетняя история создавала ощущение, что они вечны и неизбежны, а потому решать их невозможно. Но это не так.

Противоречивость существования заложена уже в самом названии — музыкально-драматический. Подобные объединенные театры родились во многих городах в 30—40-е годы. Возможно, в ту пору, тем более для отдаленных окраин Сибири, Дальнего Востока, Севера они и были необходимы. Теперь подобные сохранились лишь в двух городах страны. Но Петропавловский существенно отличается от Магаданского — у него две самостоятельные, укомплектованные труппы, два главных режиссера.

В Магадане фактически тоже два театра, каждый со своим собственным репертуаром. А практически — один, но выполняющий план выпуска спектаклей двух театров, по сути — это творческий коллектив, на производственной базе.

Театр музыкальной комедии — это труппа в 90—100 артистов — вместе с хором, оркестром и ансамблем.

Театр драмы — 35—40 актеров. В нашем театре каждая труппа располагает лишь половиной необходимого состава. В оперетте не хватает четырех ведущих актеров сцены. Крайне беден оркестр — всего 16 музыкантов. Это необходимый минимум театра драмы для создания музыкального фона спектакля. Балетная группа требует не менее 12 пар танцовщиц. Ее необходимо пополнить молодежью. А ведь в отлучающиеся моменты в спектакль не введешь, на это потребуется время, и не малое.

Любителям оперетты в нашем театре, думаю, знакомо это чувство неволевого, возникающее порой при исполнении хорошо известных арий, музыкальных моментов как бледно порой звучит жизненный хор, оркестр.

Неукомплектованность кадров во многом связана с отсутствием яндя. Руководство театра есть кого пригласить. В наш театр (не это ли показатель авторитета и популярности этого творческого коллектива среди других театров?) хотели бы приехать многие хорошие актеры.

Но... многие из них, даже проработав в Магадане не один сезон, живут в гостинице. Нынешне приглашены новый главный дирижер, художник, второй режиссер-постановщик. Они тоже разместились в гостинице.

Заслуживает пристального внимания и производственная база театра. И здесь главная сложность в том, что производственные цехи одного театрального организма обслуживают спектакли двух репертуаров, работают с двойной нагрузкой. Помимо скудности людских резервов, есть и другая трудность — цехи не имеют достаточных рабочих площадей.

Когда-то (старожилы это еще припоминают) неподалеку от театра, где размещается ныне Дом быта, находился склад декораций. На углу

улицы Советской и проспекта Карла Маркса был декоративно-живописный цех. Новостройки потеснили подсобные помещения, потом их вовсе снесли, забыв построить новые.

Ныне дорогостоящее оборудование и крупные декорации хранятся в подвале. Это недопустимо из соображений противопожарной безопасности, не говоря уже о том, что хранение без специальных стоек грубит, портит, выводит сценическое убранство необыкновенно быстро из строя.

Декорации и задники прячутся в балетном классе. И это не выход из положения.

Если вы случайно накануне премьеры в дневное время попадете в театр, то увидите «швейный цех» за работой. Портняхи сидят прямо в фойе. При такой тесноте (рабочего кабинета не имеет ни художник, ни дирижер, ни очередные режиссеры), трудно смириться с фактом, что на двенадцати административно-служебных помещений театра девять занимают управление культуры и филармония.

В нашей беседе новый директор театра Тамирлан Маджидович Коркмазов горестно заметил:

— Говорю о наших бедах, легче сказать, что же все-таки хорошо. По крайней мере, об этом будет сказано коротко. Перечень проблем куда длиннее...

Ну, и еще один парадокс. Оказывается, самым давним все наиболее важные вопросы уже обсуждены, по ним принимались конкретные решения. В частности, еще в 1976 году в одном из решений было четко и ясно сказано о выделении жилья, и о благоустройстве прилегающей территории, и о снабжении театра лучшими строительными материалами, и о многих других, вроде бы мелких вопросах.

В том, что театр живет неприязненно творческой и хозяйственно — экономическою жизнью, предлагает нам с вами интересные, проблемные вещи — громадное напряжение человеческих сил и возможностей.

При этом неизбежны накладки: что-то не успели, что-то не сделали, что-то где-то не прозвучало, что-то упущено. Порой они губят и сводят на нет творческие усилия коллектива. К сожалению, по этим огрехам формируется мнение зрителя о театре. А оно складывает общественное мнение о престиже не только театра, но и искусства в целом.

По моему мнению одного из театральных критиков из Магаданском театре сложилась уникальная обстановка. Творческая жизнь коллектива становится все более яркой, высокохудожественной, административная, организаторская сторона находится в крайне тяжелом положении, почти катастрофическом.

Покажу, нам, зрителям, это видно не менее отчетливо. Наш театр дорог нам, мы любим его, ждем новый сезон и новые премьеры, от души желаем новых творческих удач его искусству, боремся с важной проблемой коллективу.

В. КОЧКИНА.